



Сравнительный анализ правовых установок представителей юридических специальностей (на материале эксперимента)

Л. В. Моисеенко¹, М. А. Викулина²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹liliamoiseenko@gmail.com

²vikulina_maria@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам формирования правосознания современного российского юриста. Предпринимается попытка провести сравнительно-сопоставительный анализ правовых установок представителей юридических профессий, изучавших юридический иностранный язык и правовую систему соответствующей страны, и их коллег, не знакомых с зарубежным правовым опытом. Делается вывод о том, что анализ зарубежного правового опыта в ходе опосредованного погружения в иноязычный правовой дискурс значительно влияет на формирование правосознания российского юриста.

Ключевые слова: правовые стереотипы, правовые установки, правосознание, зарубежный опыт, иностранная правовая система, интерференция

Для цитирования: Моисеенко Л. В., Викулина М. А. Сравнительный анализ правовых установок представителей юридических специальностей (на материале эксперимента) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 65–71. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_65

Original article

Comparative Analysis of Legal Mindsets of Legal Profession Representatives (based on the Experiment)

Lilia V. Moiseenko¹, Maria A. Vikulina²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹liliamoiseenko@gmail.com

²vikulina_maria@mail.ru

Abstract. The research under consideration focuses on acute problems of legal consciousness of a Russian lawyer. The authors undertake to compare and analyze legal mindsets of lawyers who have studied a legal language and the appropriate legal system, and their counterparts who are unfamiliar with the foreign legal experience. The authors come to the conclusion that the analysis of foreign legal experience within foreign legal discourse substantially influences the formation of legal consciousness of a Russian lawyer.

Keywords: legal stereotypes, legal mindsets, legal consciousness, foreign experience, foreign legal system, interference

For citation: Moiseenko, L. V., Vikulina, M. A. (2023). Comparative Analysis of Legal Mindsets of Legal Profession Representatives (based on the experiment). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 65–71. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_65

ВВЕДЕНИЕ

Правовое сознание помогает представителю юридической профессии адаптироваться к правовым реалиям, определить векторы дальнейших действий и обусловить реакции на происходящее. В сознании юриста в определенной правовой ситуации вырабатывается динамическая модель, способствующая ориентации в окружающей физической и социальной среде. Сознание задает образ действий личности и предопределяет способность адекватно оценивать происходящие.

По мнению Е. А. Белканова, на формирование правосознания влияют разные факторы, как осознаваемые индивидом, так и проходящие на подсознательном уровне. Часто значительное влияние на ход мыслительной деятельности оказывает коллективный опыт предыдущих поколений, сохраненный в сжатой форме в существующих правовых стереотипах. Е. А. Белканов рассматривает правосознание как открытую подсистему сознания, отражающую сквозь «призму» должного и желаемого в чувственно-рациональной форме правовую действительность, оказывающую на социальную деятельность людей нормативно-регулирующее воздействие, и формирующуюся под влиянием социальных условий, межличностного общения, других форм сознания и бессознательного [Белканов, 1996].

Р. С. Байниязов, в свою очередь, полагает, что правосознание представляет собой духовную систему представлений, идей, взглядов, убеждений, концепций, теорий, чувств, эмоций, настроений, психологических переживаний и т. д., складывающихся в аспекте правовой действительности в ходе ее отражения, осмысления, познания, чувствования [Байниязов, 1999]. Среди прочего, помимо отмеченных позиций, Р. С. Байниязов включает в содержание правосознания юридические цели, интересы, мотивы, привычки, традиции, иллюзии, интуицию, ментальные установки, стереотипы, правовое внушение, подражание, реакции, волевые импульсы, право-культурные модели поведения и многие другие составляющие [там же].

Н. Ю. Евплова определяет правосознание как комплекс рациональных и чувственных образов и познаний о существовавших в прошлом и имеющих в настоящее время представлений о «сущности права, правовых нормах, идеях, теориях, доктринах, правовых отношениях и субъектах права, а также представлений о тенденции их дальнейшего развития» [Евплова, 2000, с. 65–66]. Таким образом, Н. Ю. Евплова отмечает, что правосознание не только отражает в сознании действующее и желаемое право, но и сохраняет знания и представления о праве, существовавшие в прошлом.

По мнению Н. М. Юрашевича правосознание также является системой чувств, привычек, представлений, оценок, взглядов, теорий, идей субъектов права (носителей правосознания), отражающих правовую действительность и оценочное отношение к ней (к социально-правовым установкам и ценностным ориентациям общества; к прошлому, действующему или ожидаемому праву) и выполняющих посредством этого роль своеобразного регулятора (саморегулятора) их поведения в юридически значимых ситуациях [Юрашевич, 2004]. Таким образом, автор увязывает между собой общественное сознание и правосознание, в частности гносеологический и социологический аспекты, отмечая внутреннюю структуру содержания правосознания, взаимодействие между ее составными частями, закономерности его становления и развития, а также его важную социальную роль [Юрашевич, 2004].

С точки зрения В. А. Щегорцова, противоправное поведение предотвращается, а действия приобретают желательное юридическое значение благодаря правовому сознанию, а не правовой норме.

В. А. Щегорцов указывает, что правосознание включает в себя познавательные, волевые и оценочные элементы, с учетом которых формируются как правовые знания, так и отношение к действующему праву, разнообразным правовым событиям, правоприменительной практике и способам ее реализации [Щегорцов, 1981].

В правосознании концентрируются все психические состояния, положения, свойства и процессы, выражающиеся в определенных правовых действиях, которые создают систему элементов, взаимодействующих между собой и взаимно дополняющих друг друга. Из этих элементов создается неразрывный комплекс представлений, установок, стереотипов, мнений, оценок и отношений, результатом чего является возникновение системы правовых установок в ценностных ориентациях индивида.

Большинство исследователей стоят на позициях того, что основу правосознания составляют правовые концепты, правовые стереотипы и правовые установки. Т. Л. Тенилова разделяет данную точку зрения и указывает, что структура правосознания состоит из трех элементов – правовой идеологии, правовой психологии и правовых установок [Тенилова, 2005].

В. А. Пищальникова рассматривает стереотип как «когнитивную структуру с фиксированной оценкой представляемого знания, функционирующую в качестве психологического механизма стабилизации социально значимой деятельности» [Пищальникова, Дмитриева, 1997, с. 82]. Обнаруживается, что стереотип создается на основе концепта и «способен

включать в себя все принципиально выделяемые в структуре концепта компоненты, однако соотношение компонентов в составе стереотипа несколько иное» [Пищальникова, 1999, с. 164]. Структура стереотипа обычно включает два элемента: знание (когнитивно-информационный элемент) и отношение (эмоционально-чувственный и оценочный элемент).

На этом основании многие ученые сходятся во мнении, что эмоционально-оценочный компонент стереотипа имеет положительную или отрицательную окраску. Однако, как указывают Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова, помимо позитивных и негативных стереотипов существуют нейтральные стереотипы [Гришаева, Цурикова, 2007]. Следует также отметить, что, будучи тесно связанными с ритуалами, традициями, обычаями, мифами, стереотипы сохраняются в скрытых умонастроениях, менталитете [Маслова, 2001].

Эмоционально-оценочный компонент стереотипа, в дальнейшем влияющий на соответствующие правовые установки, играет существенную роль для «заимствования» того или иного элемента правовой реальности в ходе анализа правовой системы страны изучаемого языка. Положительно оцененный обучающимися зарубежный опыт подсознательно маркируется ими как «достойный заимствования» и экстраполируется на российскую правовую действительность.

ВЛИЯНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА НА ОЦЕНКУ ПРАВОВЫХ СИТУАЦИЙ

Как уже отмечалось, правовое сознание специалиста определяется системой правовых стереотипов и правовых установок. Последние, в свою очередь, задают паттерны поведения, зачастую не осознаваемые индивидом и основанные на упомянутых выше стереотипах. С целью выявления сходств и различий в паттернах поведения у юристов, углубленно изучающих иностранный язык и иностранную правовую систему, и представителей юридической профессии, не владеющих данными знаниями, был проведен опрос, в ходе которого респондентам предлагалось, не задумываясь, определить свои реакции в предложенных правовых ситуациях. В эксперименте приняли участие 100 студентов выпускных курсов Московского государственного лингвистического университета, владеющих навыками межкультурной профессиональной коммуникации, углубленно изучавших иностранные языки и правовые системы зарубежных стран, и 100 выпускников юридических факультетов, где

юридический иностранный язык углубленно не изучался (РУДН, Академия МВД, МГЮА и др.).

В качестве вопросов респондентам предлагались реальные или смоделированные правовые ситуации или задачи, решение которых позволяло выявить наиболее вероятные векторы поведения отвечающих или определить их представление о способах разрешения юридических споров. Так, например, респондентам была поставлена следующая задача:

Господин X, 55 лет, работает в компании уже 12-й год. В какой-то момент господин X узнает, что его коллеги, которые минимум на 10 лет младше его, собираются в пабе по пятницам, где, помимо прочего, обсуждают рабочие вопросы. Господин X чувствует, что его недооценивают и не принимают в коллектив. Он подает в суд на коллег. Оцените, насколько успешен может быть его иск о дискриминации.

Данная задача основана на реальном деле, приводимом в английском учебнике для TOLES [Mason, Atkins, 2007]. Решение суда в данном деле было вынесено в пользу истца, так как регулярные встречи коллектива и обсуждения рабочих моментов, с точки зрения судьи, ущемляли интересы сотрудника в возрасте. Тем не менее ответы респондентов, не изучавших правовую систему Англии и Уэльса, были основаны исключительно на российском законодательстве и отличались однозначностью и категоричностью:

- Иск не будет удовлетворен.
- В данном случае дискриминации нет.
- Вряд ли будет успешным, потому что взаимодействие коллег происходит вне рабочего времени.
- Он ничего не добьется¹.

Данная категория респондентов не рассматривала альтернативные подходы к правовой ситуации, строго следуя букве российского законодательства, тогда как среди тех, кто углубленно изучал иностранную правовую систему и иностранный юридический язык, встречались реакции, допускающие вероятность решения в пользу истца при определенных условиях, например:

- Может быть успешен, так как они обсуждают рабочие вопросы.
- В Европейских странах вполне может быть успешным, в случае если причиной дискриминации является эйджизм.

Данные рассуждения, с нашей точки зрения, стали результатом анализа иноязычного правового

¹Иллюстрирующие ответы респондентов приведены с сохранением формулировок и орфографией / пунктуацией авторов.

опыта. Также стоит отметить, что сформированное представление о другой системе права и других правилах судопроизводства нередко заставляло респондентов колебаться с ответом – они придерживались норм российского законодательства, однако их ответы не отличались категоричностью или однозначностью. Например: «Перспектива удовлетворения иска очень сомнительна».

На следующем этапе респондентам была предложена задача, в основе которой лежали разные подходы к интерпретации пределов допустимой самообороны в России и англоязычных странах. В частности, в США существует доктрина «Мой дом – моя крепость», позволяющая применять оружие против любого лица, проникнувшего в частное помещение, при условии наличия у него явного намерения совершить тяжкое преступление (убийство, изнасилование, причинение тяжкого вреда здоровью, ограбление и т. д.):

У ночью пробирается в дом Х через окно с целью ограбления. Однако встревоженный шумом хозяин обнаруживает грабителя. Испугавшись за жизнь своей семьи, хозяин стреляет в У. Как, с Вашей точки зрения, следует квалифицировать действия хозяина, и какая ответственность была бы для него оптимальной?

Среди представленных ответов видится целесообразным выделить четыре важных, на наш взгляд, аспекта.

Во-первых, как и в предыдущем случае, юристы, не изучавшие юридический иностранный язык и иностранную правовую систему, квалифицировали действия хозяина помещения исключительно с точки зрения российского законодательства, не рассматривая иных подходов к решению вопросов и четко следуя букве закона.

- Действия хозяина следует квалифицировать как превышение пределов необходимой обороны; оптимальная ответственность – любое наказание, не связанное с лишением свободы, за исключением лишения права заниматься определенной деятельностью.

- Хозяин дома превысил рамки самообороны, если У выжил, то Х отделается минимальным сроком лишения свободы.

Во-вторых, реакции данной группы респондентов нередко содержали прямые отсылки к конкретным статьям УК РФ:

- Данное преступление будет квалифицироваться по части 2 статьи 108, ответственность будет лишением свободы на 3 года.

- Если Х увидел, что у У есть оружие, то действия Х – часть 2 ст. 114 УК (ограничение свободы

на 2 года). Если Х понимал, что У не представлял опасность для жизни Х и его семьи – часть 1 ст. 105 УК (5 лет). Но если доказать косвенный умысел Х – часть 1 ст. 109 УК (ограничение свободы на 2 года).

В-третьих, значительная часть ответов в обеих группах респондентов носила характер рассуждения, что позволяет говорить о том, что буква закона даже в восприятии юристов-«нелингвистов» нередко представляется несправедливой или допускает оговорки в ходе рассмотрения дела и вынесения решения.

- Ответственность зависит от степени причиненного вреда. Применение оружия здесь как самозащита, а самозащита должна быть соразмерна нападению.

- Действия хозяина будут квалифицироваться как необходимая оборона. Однако она должна быть соразмерной. Если у грабителя не было в руках огнестрельного оружия, или он не собирался его применять, к хозяину будет много вопросов, и будет тяжело доказать, что его действия носили законный характер. Оптимальной ответственностью в данном случае я считаю возмещение физического вреда, нанесенного выстрелом. Лишение свободы считаю в таких случаях неуместным.

И наконец, небольшой процент (8 %) отвечающих ориентировались полностью на англосаксонскую систему, о чем косвенно свидетельствует использование иноязычных терминов и непосредственное упоминание самой доктрины.

- Я считаю, что в данном случае Х должен быть полностью оправдан, поскольку произошло посягательство на его жилище, которое он имеет полное право защищать.

- Хозяин поступил правильно, так как он охранял свое имущество и родных, *private property*.

- Так как хозяин испугался! Но признать это необходимой обороной! *Мой дом – моя крепость!*

Это позволяет нам сделать вывод о том, что в процессе опосредованного погружения в англоязычный уголовно-правовой дискурс на занятиях по юридическому иностранному языку обучающиеся в результате анализа правовой ситуации, непосредственно самой доктрины и правовых последствий с точки зрения их оценки по шкале «справедливо – несправедливо» оценили данный аспект иностранного судопроизводства и лежащий в основе англо-американского прецедентного права принцип справедливости (*equity*) как положительный, более привлекательный в данной правовой ситуации и достойный импортирования в отечественную правовую систему.

Учитывая разные традиционно сложившиеся в России и Европе подходы к правам родителей на опеку над детьми, респондентам был задан вопрос:

Как Вы считаете, на что должен ориентироваться суд, решая, с кем оставить ребенка после развода, и почему?

Известно, что с юридической точки зрения оба родителя имеют равные права на ребенка, однако в России традиционно суд оставляет ребенка с матерью, исходя из моральных и культурных соображений, тогда как в мусульманских странах сыновья старше семи лет часто остаются с отцами по решению суда, что также является результатом культурно-религиозной специфики. В Европе, где во главу угла поставлены ультралиберальные ценности, суд при принятии решения не ориентируется на гендерные факторы, принимая во внимание материальные ценности. Данные культурно-специфические поведенческие модели можно считать формой реализации соответствующих правовых установок.

Интересно отметить, что при ответе на данный вопрос респонденты, представители юридической профессии, как с лингвистическим образованием, так и без него, выказали определенное единодушие, отказавшись от культурных и гендерных стереотипов и выделив в качестве критериев материальную составляющую, воспитательно-психологический аспект и желание ребенка.

Поскольку существенных смысловых и содержательных расхождений в реакциях опрашиваемых не было, представляется целесообразным привести лишь некоторые из ответов в качестве иллюстрации. Так, первое, на что указывали большинство респондентов (33 %), – это опора на материально-финансовый показатель.

- Материальное положение родителей, их психическое и физическое здоровье.
- Суд должен ориентироваться на финансовые возможности и психическую устойчивость одной из сторон для обеспечения благоприятных условий ребенку.
- Условия проживания родителей, социальное положение.

При этом не менее важным представлялись респондентам мнение ребенка и его психологический комфорт (23 %), связанные со следующими факторами.

- Биография родителя, его вовлеченность в воспитание ребенка; на мой взгляд, ребенка следует оставлять тому родителю, который с большей вероятностью может вырастить его развитым, психически здоровым, культурным человеком, и который готов уделять ему большое количество своего времени и внимания.
- Суд должен ориентироваться на интересы самого ребенка.

- На поведение родителей и на то, с кем ребенку будет лучше!
- На интересы ребенка.

Значительная часть (37 %) респондентов указывала на оба указанных выше фактора: на личную характеристику супругов, уровень их благосостояния, желание ребенка.

В целом в результате анализа правовых стереотипов и установок можно предположить, что поведенческие паттерны в данной правовой ситуации детерминируются приоритетными ценностями (материальные ценности и духовное развитие) самих респондентов и полностью игнорируют культурно-специфические (например, следование традициям) и гендерные факторы.

Особое внимание в рамках данного исследования привлекли ответы (2 %), содержащие в себе отсылку к «разумности» и «целесообразности». Несмотря на то, что данные принципы являются общими для многих правовых систем и, безусловно, соблюдаются в российском законодательстве, отечественные юристы в силу специфики правоприменения склонны ориентироваться не на ситуации и концепции (доктрины), а на Букву закона. Тогда как в англо-американском праве, построенном на прецеденте, доминирует Дух закона, и, следовательно, в основу судебных решений положены не столько конкретные законы (статуты), сколько сформулированные в них правило или принцип. Таким образом, основополагающие для англоамериканской системы принципы разумности (*reasonableness*) и справедливости (*equity*) в ответах юристов-лингвистов мы считаем маркерами интерференции правовых стереотипов и правовых установок.

Реакции на вопрос «На дороге Вас остановил полицейский и собирается отобрать Ваши водительские права. Ваши действия?» также не выявил существенных различий в правовых установках юристов, изучавших юридический иностранный язык, и тех, кто его не изучал. Изначально выдвигалась гипотеза, что в результате интерференции иноязычных правовых установок ответы юристов-«лингвистов» будут отличаться большей степенью законопослушности, чем ответы их коллег, на которых не повлиял иностранный правовой опыт. Отчасти данная гипотеза базировалась на выявленном в результате ассоциативного эксперимента (на первом этапе исследования) стереотипе «коррупционности правоохранительных органов» и желании «договориться». Однако, с нашей точки зрения, важным моментом является то, что в результате опроса данная гипотеза не подтвердилась – правовая установка, реализуемая в определенном поведении в правовой ситуации, оказалась положительной:

респонденты полностью осознавали действующие в данной ситуации нормы права, соглашались с ними, оценивали их как «правильные» и демонстрировали настрой на правомерное поведение.

Тем не менее 1 % респондентов продемонстрировал нехарактерные реакции: «убегу» и «попытаюсь выйти из конфликта мирно». Последний пример может косвенно указывать на стереотип, положенный в основание изначально выдвинутой гипотезы, и попытку «договориться», однако является единичной реакцией и не может использоваться для выявления маркеров интерференции правовых установок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод, что в ситуациях существенного несовпадения норм отечественного права и правовой системы страны

изучаемого языка, у юристов, углубленно изучавших иностранный язык, предпочтение отдается тому опыту, который оценивается ими как положительный, справедливый, больше соответствующий целям правоприменения и достойный заимствования в отечественное законодательство. Именно эти реакции позволяют выявить маркеры интерференции правовых установок в силу важности как информационного, так и ценностного аспектов. В ситуациях, не выявляющих значимых различий в подходах к решению правовых вопросов и допускающих возможность «правильного» с точки зрения респондентов решения правового конфликта, превалирует ориентация на нормы отечественного права, что позволяет говорить об удовлетворенности средствами правовой защиты, предусмотренными законодательством РФ, и отсутствии необходимости импортирования иноязычного правового опыта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белканов Е. А. Структура и функции правосознания: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 1996.
2. Байниязов Р. С. Проблемы правосознания в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 1999.
3. Евплова Н. Ю. Правосознание молодежи: теоретический и социологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2000.
4. Юрашевич Н. М. Эволюция понятия правового сознания // Известия вузов. Правоведение. 2004. № 2. С. 165–181.
5. Щегорцов В. А. Социология правосознания. М.: Мысль, 1981.
6. Тенилова Т. Л. Временные характеристики в сфере правосознания // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2005. № 4. С. 39–45.
7. Пищальникова В. А., Дмитриева Н. Л. Конвенциональный стереотип: сущность, структура, функционирование // Известия Алтайского государственного университета. 1997. № 2 (4). С. 80–84.
8. Пищальникова В. А. Психопоетика: монография / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Алт. гос. ун-т. Барнаул: Изд-во Алт. государственного университета, 1999.
9. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Академия, 2007.
10. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
11. Mason C., Atkins R. The lawyer's English language coursebook. London: Global Legal English, 2007.

REFERENCES

1. Belkanov, E. A. (1996). Struktura i funkcii pravosoznaniya = Structure and functions of legal consciousness: abstract of PhD in Law. Ekaterinburg. (In Russ.)
2. Bajnijazov, R. S. (1999). Problemy pravosoznaniya v sovremennom rossijskom obshhestve = Problems of legal consciousness in modern Russian Society: abstract of PhD in Law. Saratov. (In Russ.)
3. Evplova, N. Ju. (2000). Pravosoznanie molodezhi: teoreticheskij i sociologicheskij aspekty = Legal consciousness of the young: theoretical and social aspects: abstract of PhD in Law. Volgograd. (In Russ.)
4. Jurashevich, N. M. (2004). Evolution of ideas about concept of legal consciousness. Izvestija vuzov. Pravovedenie, 2, 165–181. (In Russ.)
5. Shhegorcov, V. A. (1981). Sociologija pravosoznaniya = Sociology of legal consciousness. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
6. Tenilova, T. L. (2005). Temporal characteristics in the sphere of legal consciousness. «Chernye dyry» v Rossijskom zakonodatel'stve, 4, 39–45. (In Russ.)
7. Pishhal'nikova, V. A., Dmitrieva, N. L. (1997). Conventional stereotype: essence, structure, functioning. Izvestiya of Altai State University, 2(4), 80–84. (In Russ.)
8. Pishhal'nikova, V. A., (1999). Psihopojetika: Monografija = Psycho-poetics: monograph. Barnaul: Altai State University. (In Russ.)

9. Grishaeva, L. I., Tsurikova, L. V. (2007). Vvedenie v teoriju mezhkul'turnoj kommunikacii = Introduction into the theory of intercultural communication. Moscow: Akademija. (In Russ.)
10. Maslova, V. A. (2001). Lingvokul'turologija = Linguoculturology. Moscow: Akademija. (In Russ.)
11. Mason C., Atkins R. (2007). The lawyer's English language coursebook. London, Global Legal English,

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Моисеенко Лилия Васильевна

доктор филологических наук, доцент
заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Московского государственного лингвистического университета

Викулина Мария Алексеевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lilia Vasilevna Moiseenko

Professor, Doctor of philology
head of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law
Moscow State Linguistic University

Vikulina Maria Alexeevna

PhD (Philology)
Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

14.06.2023
15.06.2023
13.07.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication